

В летнем лагере, измученная бессонницей среди спящих, я сменила штаны пижамы на джинсы, обулась, тихонько прошла между рядами кроватей, на которых неподвижно лежали накрытые простынями девочки, встала в дверях палаты. Отсюда было видно освещенные фонарем ворота, перевернутые обратной стороной буквы слова «Радость». Стояла так некоторое время, пока не услышала дыхание. Лера вышла из своей палаты, смотрела большими неприятно-инопланетянскими глазами с торчащими в стороны ресницами на меня.

Сначала я делала вид, что не замечаю Леры. Я еще ни разу не говорила с ней напрямую, она больше ходила с девочками из своей палаты, а я – со своими. Я только слышала два дня назад, как она говорила Тоне, что, когда смотрит на крюк сбоку возле эстрады, ей всегда приходит в голову мысль, что на этом крюке удобно повеситься. Тоня сказала, что она придурочная, раз думает повеситься, но Лера сказала, что она не собирается вешаться, просто ей приходит в голову эта мысль, когда она смотрит на большой железный крючок сбоку от эстрады. Непонятно, зачем он там. Они сидели на песке, я стояла у них за спиной и потом отошла к своим, поэтому не слышала, о чем они говорили дальше.

Уже не получалось скрыть, что я вижу Леру, я как-то произвольно хмыкнула в ее сторону. Так что я спрятала нерешительность, просто шагнула вперед и кивнула в сторону ограды. Лера поняла.

– Они заметят, нам так влетит! – шепнула она, но я только повела плечами:

– Мы с тобой здесь кто? Свободные люди. Это ж не для зеков лагерь. Что они нам сделают? Ну максимум родкам позвонят.

Она, как и я, была в пижамной кофте и в джинсах. Обута. Мы спустились с крыльца корпуса, общего для наших двух девчачьих и двух мальчиковых палат, и пошли по направлению к забору, туда, где дыра. Мне было страшно, казалось, все фонари глядят мне в лицо лицом нашего вожатого. Вожатый нравился всем девочкам второго отряда. Из всех он выделял меня. Он часто задавал мне игривые вопросы и делал приятные безобидные замечания. Лере он делал неприятные замечания, он ее любил меньше всех и немного травил.

Сейчас чудилось, что из-за пятого корпуса выходит начальник лагеря, или старшая вожатая, или – страшнее

их двоих – завхозиха. Лера шла совсем спокойно, будто не боялась. У нее немного рваная походка. Я взяла ее за руку. Мы приблизились к дыре в заборе. Лерина ладонь показалась мне слишком маленькой, я сжала ее и почувствовала жесткие костяшки пальцев. Наши руки быстро одновременно вспотели, но мы их не разжимали. Когда мы задержались у дыры (было трудно протиснуться в нее одновременно, но мы молча были согласны не отпускать рук), я обернулась, бросила взгляд на лагерь. Меня испугало то, как ярко он был освещен. В свете фонарей четко вырисовывались углы корпусов, деревья, и казалось, окна видят нас, казалось, здесь должен быть кто-то из педсостава, но – странно – никого не было. Они все спали.

А мы выбрались за территорию, через дыру – в лес. Сначала мы остановились – глаза после яркого не различали ничего, только большие оборки-грибы на стволах слабо фосфоресцировали. Тишина и шорохи – две стороны одной темноты. Мы медленно пошли по слабой тропе, вытопанной от дыры. На звуки, чужой хруст веток мы сильнее сжимали ладони – и расслабляли.

...Я видела маму Леры один раз. Ее почти никто не видел, потому что она, когда нас собирали в городе перед отъездом, привела дочь и ушла сразу после вшивого контроля. Мои родители ждали, когда нас посадят в автобус, словно не хотели отпускать, обнимали на прощание и повторяли, что, если не понравится, я всегда могу сообщить, они сразу меня заберут (кто-то из мальчиков прикалывался, я мысленно показала средний палец). А с мамой Леры я столкнулась, когда мы только шли к месту сбора – она уже уходила, и на меня она не обратила внимания – только поправила зажатую в губах сигарету. Кожа ее припухшего лица показалась мне очень жесткой под пудрой. У Леры за ухом, вниз, на шею, тянется маленький шрам. Все знают, что ее когда-то так ударила

мама (с кольцом на пальце, с камнем), но никто не знает, откуда мы это знаем, Лера точно не рассказывала...

Мы мелко переступали, от нас тянулись вверх стволы, вверху они распадались на дрожащие листья, неуловимо качающиеся кроны. Мы пошли быстрее, еще быстрее, по-моему, наша торопливость была связана с тем, что мы держались за руки, даже если сложно объяснить, какая здесь связь. Может, из-за рваной походки Леры.

Хотя пробивавшийся сквозь облака осколок луны давал свет, которого хватало теперь, когда мы отвыкли от фонарей лагеря, я быстро потеряла ориентацию: тропа все время сворачивала, повторялись холмики и низины, да и не совсем ясно было, есть ли тропа вообще или мы бредем просто между деревьями. Я уже не могла сказать, с какой стороны остался лагерь, но, потерявшись, почему-то ощутила вместо паники покой, будто лес вокруг меня был большой и мягкой защитной оболочкой, подушками и одеялами, будто он укутывал меня, а ладонь Леры в моей ладони была какой-то страховкой, надежной гарантией. Еще никогда в жизни я не испытывала такого оглушительного покоя.

Мы почти вышли на более широкую, всерьез проложенную через лес песчаную дорогу (весь лес такими расчерчен, я знала по походам с отрядом, и на таких всегда по бокам продавленные следы колес), когда Лера закричала. Я перепугалась сначала, отскочила, вырвала ладонь. Она визжала и размахивала руками.

– Что с тобой?

– Паутина... Паутина, я попала... Я не могу убрать. Тут должен быть где-то паук! Посмотри на меня, он на мне. Пожалуйста, найди его, убери!

Лера отчаянно отряхивалась, со всей силы била себя и редела. Я никогда не понимала страха перед пауками, но теперь мне стало ее ужасно жаль, я бросилась к ней,

шарила по лицу, шее, по волосам в поисках паука, но его не было, а я шарילה, искала. Сердце стучало дико – я ведь испугалась ее крика и испугалась, что нас могут услышать и обнаружить.

– Тсс...

Она прекратила кричать, но тихо плакала, я убеждала, глядя короткие торчащие волосы, что никакого паука нет, она настаивала на том, что он есть, что я должна искать, иначе она умрет, и наконец я стала сцеловывать ее слезы и обняла, а потом мы стояли так, обнявшись, покачиваясь, пока она не успокоилась. Ее шея пахла очень остро.

Через какое-то время мы пошли дальше как ни в чем не бывало, мы вышли на прямую песчаную дорогу, и здесь уже не было того покоя, тем более издали доносился странный тяжелый гул. Зато здесь было светло, почти так же светло, как в лагере – теперь, когда осколок луны наконец прорезал перламутровую ткань облаков и выпал. Мы шли про продавленными шинами углублениям, Лера – слева, я – справа, между нами – заросшая срединная полоска. Лерины руки странно-прямо свисали вниз, кисти подрагивали.

Мы шли уже минут двадцать, когда увидели на дороге кошку. Мы замерли, и она замерла, глядя на нас прозрачными глазами, в которых на глубине текло и кружилось внимание. У нее были очень длинные лапы, пушистый хвост и острая мордочка.

– Лисичка, – прошептала Лера с хриплым восхищением, и я тоже узнала – какая же это кошка! В лунном свете лисица не выглядела рыжей, все вокруг было сейчас в других тонах. Она казалась зеленоватой. Я сделала тихий-тихий шаг, чтобы приблизиться и рассмотреть, но лисе этого хватило как сигнала к бегству – она развернулась и скрылась среди стволов. Лера разочарованно выдохнула.

Мы попытались увидеть лисицу там, внутри леса, но ее и след простыл. Однако, приглядываясь, мы увидели других животных и, немного испугавшись, снова схватились за руки, шли теперь близко к срединной полоске. Все было полно животных. В свете, стекающем сверху, как кровь порезанных облаков, мы видели прозрачно-голубых волков, поводящих густыми меховыми шеями, черных блестящих змей, извивающихся прочь, бледно-оранжевых оленей под хрустальными конструкциями рогов, бледно-розовых кабанов, радужных бобров в озере, из которого пила маленькая просвещающаяся лиловая рысь. И зеленых куниц, и синюю сову, терзающую тень синей мыши, и огромного золотистого муравья, и других, опознать которых в движении мы не успевали. Все они дышали и двигались в прозрачных разноцветных телах, и запах электричества и псины распространялся по лесу; мы слышали их голоса, звуки, тонувшие в нараставшем непонятном гуле. Животные не выходили на дорогу – то ли не могли, то ли боялись. Кажется, мы ненадолго привлекали внимание некоторых из них, те даже высовывали к дороге мордочки, но тут же прятались. Лера не испугалась огромного паука с бриллиантовым телом и платиновыми ногами, качающегося на растянутой у самой дороги паутине.

Не знаю, почему я подняла свою руку – в которой держала ее руку – и прижала ее ладонь к своей щеке. Она посмотрела на меня из-под торчащих ресниц точно так же, как смотрела до того лиса, глаза были такими же. Я растерялась и отвернулась.

Наша песчаная дорожка пересекалась с другой такой же дорожкой. Я смутно припоминала это место из походов с отрядом. Мы остановились на перекрестке, но тут же выяснилась ошибка: второй дороги, с которой перекрещивалась наша, я не узнавала. Она была намного шире

нашей. И потом, видимо, по ней очень давно не ездили и не ходили – ее серединка была не просто заросшей, она возвышалась, как ступенька, из нее росли уже не травы, а молодые деревья, травы же были там, где продавлено колесами. Мы смотрели: так бывает с дорогой, которой не пользуются, и становилось одновременно радостно и жутко. Она вела куда-то вверх.

Но гул мешал все сильнее, теперь он перекрывал все остальные звуки, и наконец мы увидели его источник – то ли потому, что они теперь были ближе, то ли потому, что здесь лес становился реже и было лучше видно.

С холма один за другим спускались танки, еще маленькие, как модельки, но уже очень громкие. Земля под ногами болезненно вибрировала. Я посмотрела на свои ноги, на запачкавшиеся кеды. Я понимала, что даже если лагерь не для зеков, нам нельзя было выходить. Мы не должны были выходить. Мы бы могли найти какой-то укромный уголок для двоих на территории лагеря – ведь это тоже запрещено, почему мы так не поступили? От страха мне показалось, будто на шею накинули петлю и стягивают все сильнее. Не тот страх, что перед завхозией, тот был игрушечный, а не смерти. Звери уходили и прятались, вскоре совсем никого не осталось, кроме нас двоих.

– Они по этой дороге, – сказала я, имея в виду заросшую. Я думала, танки едут по ней. Лера покачала головой, и я не поняла, соглашается она со мной или нет. Перед тем как окончательно накрыла паника, мне стало жаль выросшие на дороге деревья. Танки увеличивались на глазах, готовые наползти, рычанье стало ужасным.

Мы рванули, не зная куда. Бежали напрямик, в этом ужасе держалось одно правило – не отпускать рук. Сцепленные, они мешали бежать, мешали каждому движению, еще и стволы все время, но мы обе знали: если

расцепить – конец. Сейчас думаю, что мы были правы, потому что если бы мы потерялись тогда, вряд ли хоть одна из нас выбралась бы. Мы задыхались, забегая на новый холм, а потом выдыхали, сбегая вниз. Наши ноги попадали в дыры, может быть, норы, цеплялись за какие-то низкие сучки, несколько раз мы падали, но не отпускали друг друга. Мы не обращали внимания на мелкие ветки, ломали их на бегу и на паутину больше не обращали внимания. Не знаю, как долго мы так мчались по трясущейся земле, под грохот раздавленных стволов, в направлении, перпендикулярном движению темной колонны. В какой-то момент стало совсем тихо, не было слышно ничего, кроме нашего тяжелого, в унисон, дыхания.

А потом мы оказались у дороги. Настоящей асфальтированной дороги – по ней автобус привез нас в лагерь одиннадцать дней назад. Сидели на обочине. Джинсы были влажными от пота, мокрая насквозь рубашка пижамы липла к телу. В кедах чуть ли не хлюпало. Немного придя в себя, я посмотрела на Леру – она опять плакала.

– Плакса! – прошептала я. Вышло не обидно, а ласково. Я наклонилась к ней и поцеловала ее в губы. А потом моя голова упала ей на колени. Я так перепсиховала, так вымоталась, пока мы бежали. И они еще могли настичь нас, но мы уже не могли бежать. Пижамная кофта Леры тоже была совсем мокрой. Ее пот пах иначе, чем мой. И ее живот пах иначе, чем ее шея. Мы оставались неподвижными, пока не послышался шум – но это была просто машина, обычная машина с фарами, она пронеслась, нас не заметили. Я резко выпрямилась, посмотрела на Леру, а она посмотрела на меня. Мы одновременно хихикнули.

– Надо идти? – спросила Лера сквозь всхлипывания.

Я кивнула, потом сказала:

– Хочешь, я тебе буду мамой?

Она хмыкнула и свела брови.

Мы не знали, в каком направлении нужно идти к лагерю, но, не сговариваясь, пошли вслед за машиной. Потом была еще одна машина, она притормозила, к нам попытались обратиться, но мы занырнули в лес и вынырнули, только когда водителю надоело нас ждать. Теперь мы точно видели, что идем по направлению к лагерю, и новый шум – лопасти низко скользящего по воздуху вертолета – уже не пугал нас.

Возле ворот я отряхнула Лерину кофточку, потом свою. Было бы лучше вернуться к дыре, но мы слишком устали, чтобы снова погружаться в лес. Ворота оказались заперты, и калитка тоже. Мы по очереди перелезли через забор.

В лагере по-прежнему было очень светло – ночным светом. Так светло, что вертолет казался тише, и три далеких воздушных удара вообще были проглочены фонарями. Даже странно, что мы не сразу заметили в этом свете мальчиков.

Два мальчика из первого отряда – не знаю их по именам, только в лицо – стояли возле беседки в одних футболках и трусах. Как и мы, они крепко держались за руки. Стояли не лицом друг к другу, а лицом к столовой, будто шли и внезапно остановились. В сером свете было ясно видно, что футболки на них запачканные, в листьях, земле и сухой траве. Их ноги дрожали, а глаза были устремлены в небо, так что нас они не замечали. Они неслышно перешептывались между собой.

Мы подошли к нашему корпусу, но Лера сказала, что ей еще надо в туалет. Мне не хотелось ее отпускать, но не водить же в туалет за руку, буду я ей мамой или нет. Мне не было надо. Я мало пью.

Я зашла на крыльцо и услышала странные звуки. Высунулась, выглянула за угол. Там, под самым ослепительным фонарем, но от этого – будто в тени, стояли две

молоденькие вожатые – по-моему, восьмого и седьмого отрядов, самых малявок. Они беспокойно целовались и водили ладонями по спинам друг друга. У их ног стояла полупустая бутылка какого-то сине-зеленого алкоголя. Я видела короче секунды, сразу снова занырнула на крыльцо, немного попереступала с ноги на ногу туда-сюда, ожидая Леру, и, не дождавшись (мне слишком сильно хотелось ее дождаться, но слишком страшно было в волнах синего света одной, когда там, за крыльцом, столько людей), проскользнула к нам в палату.

Все девочки спали. Я без энтузиазма попробовала очистить пижамную кофту и поменяла джинсы на спрятанные под подушкой штаны. Похоже, нас не искали. Устроилась в постели, но еще долго не засыпала.

На следующий день вожатый не заметил, что я не выспавшаяся, но заметил Леру:

– Что ты такая сонная? Хахалей всю ночь гоняла, что ли?

Это грубое замечание было все-таки скрытым комплиментом, скрытым признанием Лериного шарма – впервые со стороны вожатого. Лера сидела ко мне боком. Я видела, как ее лицо меняется от смущения, как вздрагивают губы, слегка напрягаются щеки, отчего вырисовываются ямочки; и брови, на секунду поднявшись, сходятся на переносице, и мне хотелось погладить покрасневший шрам за ее ухом, потому что я поняла, как люблю ее.